С. Басовъ-Верхоянцевъ

Сказъ, отколь пошли цари у насъ

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

С. Басовъ-Верхоянцевъ

Сказъ, отколь пошли цари у насъ

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung
1917

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig

Часть первая.

Благословите, братцы,
старину сказать.

Какъ негаданно, нежданно
Три варяга, три братана
Изъ-за моря, изъ-за горъ
Прибывали къ намъ на дворъ.
Прибывали не одни,
А съ ватагою родни, —
Все удалые ребята,
На чужое тароваты.
Молвь про нихъ далеко шла:
Лишь рука бы подошла, —
Спуску братья не дадутъ,
Аль ограбятъ, аль убьютъ.
Много плакалось сиротъ
На разбойный тотъ народъ.

Вышли на берегъ высокій
И подперли руки въ боки.
Глядь-поглядь, — земля богата,
Молокомъ ручьи текутъ,
А народъ на ней — ягнята:
Все безъ боя отдаютъ.
Прозываются «славяне», —
Такъ, немудрые крестьяне:
Ходятъ въ липовыхъ лаптяхъ,

Да у всѣхъ кусокъ во щахъ.
Всѣ равны другъ дружкѣ въ чинѣ,
А начальства нѣтъ въ поминѣ.
Про царей и про господъ
И не слыхивалъ народъ.
Въ городу али въ селеньѣ —
Всякъ живетъ въ своемъ владѣньѣ,
А порядокъ весь ведетъ
«Вѣче» — значитъ, общій сходъ.

Покрутивъ свой длинный усъ,
Говоритъ тогда братанамъ
Братъ середній, Синеусъ:
— «А какого же рожна намъ?
Я, ребята, хоть не трусъ,
Да не будетъ-ли бродяжить?!
Не пора-ли на покой?!
Такъ давайте, станемъ княжить
Мы надъ здѣшнею землей.
Сами видите вы, чай,
Что житье тутъ — прямо рай!»
Полюбилася братанамъ
Рѣчь подобная. — «Друзья, —
Говорятъ они славянамъ, —
Не возьмете-ль насъ въ князья?
Мы хоть сѣять не привычны,
Не училися и жать,
Но оброки бы отлично
Съ васъ почали собирать!»

* * *

Ходятъ старосты по сёламъ,
Ходятъ съ сердцемъ невеселымъ,
Подъ окошками — стукъ-стукъ:
— «Собирайся, братцы, въ кругъ!»
Собрался народъ на сходку,
Старики вошли въ середку
И давай судить, рядить,
Какъ бы имъ бѣду избыть.
— «Вотъ, вѣдь, не было печали,
Да, вишь, черти накачали!»
Молодежь не прочь и въ бой,
А старьё кричитъ: — «Постой!
Всѣ мы знаемъ, что разбоемъ
Пріучились братья жить.
Не принять ихъ, — смертнымъ боемъ
Насъ учнутъ, пожалуй, бить.
Если-жъ съ ними воевать, —
Намъ опять не сдобровать:
Вѣдь, мы знали до сихъ поръ
Только соху да топоръ...
А и дань не велика:
Съ носу менѣ пятака».

Посудили, порядили
И покончили на томъ,
Что братановъ пригласили
На княженье вразъ втроемъ.

Молвитъ братьямъ тутъ Труво̀ръ:
— «Вотъ никакъ не ожидалъ:
Нынче утромъ былъ я воръ,
А подъ вечеръ княземъ сталъ!»

Изъ той троицы варяжьей
Всѣхъ братъ Рюрикъ пережилъ, —
На Руси породѣ княжьей
Онъ начало положилъ.

* *
*

Игорь, сынъ его, за данью
По славянамъ ѣздилъ съ бранью.
Мужикамъ и надоѣло
Дань платить ему безъ дѣла.
Вотъ они его поймали
И въ завалѣ
На двѣ части разорвали;
Разнизали, словно лапоть:
Молъ, не будешь больше хапать!

Ольга, Игоря супруга,
Долго мстила имъ за друга:
Отъ славянскихъ многихъ селъ
Дымъ пошелъ.

* *
*

Сталъ тутъ княземъ Святославъ.
Тожъ держалъ отцовъ уставъ:
Грабилъ онъ славянъ, хозаръ,
Не помиловалъ болгаръ,
Пробирался и въ Царьградъ;
Не вернулся самъ назадъ,
Но оставилъ на разводъ
Онъ славянамъ свой приплодъ.

* *
*

Быть бы княземъ Ярополку,
Но Владиміръ втихомолку
Брату голову свернулъ
И засѣлъ на княжій стулъ.
Только стали больно черти
Мучить князя. Какъ тутъ быть?
Вотъ, чтобъ въ рай попасть по смерти,
Онъ задумалъ Русь крестить
И немедля далъ приказъ:
Чтобы всѣмъ собраться вразъ —
И здоровымъ, и калѣкамъ —
Къ ручейкамъ, прудамъ и рѣкамъ.

Заартачились славяне:
«Не хотимъ холодной бани!»
Князь силкомъ погналъ ихъ въ воду.
Сгибло много тутъ народу
Отъ меча и отъ огня,
Прихоть княжую кляня.

Съ іордани воротясь,
Говоритъ Владиміръ-князь:
«Отъ крещенья будетъ толкъ,
Да поповъ тутъ нуженъ полкъ».
Вотъ изъ Кіева въ Царьградъ
Шлетъ за ними онъ нарядъ.
Не успѣлъ моргнуть народъ,
Глядь, — валитъ ужъ крестный ходъ.
Какъ разбухшіе клопы,
Цугомъ тащатся попы.
А попамъ житье не худо —

И не чудо:
У нихъ очи завидущи,
У нихъ руки загребущи,
Пьютъ, ѣдятъ они во сласть,
Да кричатъ: «Отъ Бога власть!»
Разъѣзжаютъ по приходу,
Набиваютъ свой карманъ.
Невдомёкъ совсѣмъ народу,
Что выходитъ тутъ обманъ.

* *
*

Заручившись такъ у Бога,
Въ рай поѣхалъ старый князь.
Превеликая тревога
На Руси тутъ поднялась.
Княжьи дѣти, братъ на брата
Рвутся, завистью объяты.

Ухитрился Ярославъ,
На престолъ отца попавъ,
Утишить на время смуту,
Да въ предсмертную минуту
Сыновьямъ раздалъ владѣнья.
Тутъ опять пошло смятенье.
За отцовское имѣнье
Братья съ сѣвера и съ юга
Принялись тузить другъ друга,
А какъ цапнетъ брата братъ, —
Клочья съ подданныхъ летятъ.

Другъ у друга безъ стыда
Грабятъ села, города;

Чтобы брата ввесть въ изъянъ,
На смерть бьютъ его крестьянъ.
По Руси лишь стонъ идетъ, —
Убавляться сталъ народъ.

Догадались тутъ славяне,
Что сидятъ они въ капканѣ.
Кое-кто началъ галдѣть:
— «Долго ль намъ еще терпѣть?
Вѣдь, съ князьями дѣло — дрянь:
Согласились мы на дань,
Бить другъ друга безъ разбора
Не держали уговора».
Анъ, хоть близокъ локотокъ,
А зубокъ-то коротокъ.
Всякій князь въ своемъ повѣтѣ,
Какъ паукъ, разставилъ сѣти,
Словно мухи, въ нихъ народъ
Бьется, ходу не найдетъ...
А князья-то плодущіе.
Эхъ ты, матушка-Россія!

* *
*

Только Новгородъ одинъ
Самъ себѣ былъ господинъ;
Выбиралъ князей на вѣчѣ
И сажалъ себѣ на плечи.
Если князь бывалъ доберъ, —
Съ нимъ держалъ онъ уговоръ;
А, случится, выборъ плохъ, —
Ставилъ князя на порогъ:

— «Вотъ тебѣ, молъ, семь дорогъ:
Убирайся, куда хошь,
А для насъ ты нехорошъ!»
Далѣ — болѣ, болѣ — далѣ,
Мужички смекать почали,
Что народу межъ князей
Не найти себѣ друзей —
Брать ихъ вовсе перестали.

* *
*

Той порой издалека,
Услыхавъ про княжьи свары,
Къ намъ нахлынули татары.
Наломавъ князьямъ бока,
Стали къ намъ изъ Астрахани
Посылать они по дани.

Триста лѣтъ платилъ народъ
Хану подать всякій годъ.
И одно лишь ладно было,
Что князьямъ ошибли крыла.
Стало Рюриково племя
Цѣловать татарамъ стремя,
Ужъ за княжескій престолъ
Воевать народъ не шелъ,
И на тронъ садился князь,
У татаръ благословясь.
Да князья нашлись и тутъ:
Къ хану съ ябедой идутъ,
Дарятъ златомъ, серебромъ,
Другъ на дружку бьютъ челомъ

А кто больше всѣхъ давалъ,
Тотъ у хана правъ бывалъ.

* *
*

Вотъ минуло триста лѣтъ;
Глядь, князей-то ужъ и нѣтъ:
Всѣхъ московскій князь извелъ,
Самъ усѣлся на престолъ
И назвался «русскій царь,
Православный государь».

У татарской же орды
Поднялися нелады.
Знать, пришла и къ ней бѣда, —
Разбрелися, кто куда.
А за данью ханы шлютъ
(Можно брать, коли даютъ).
Царь и стань имъ поперекъ:
Взялъ да ханскій весь оброкъ
Въ свой кутокъ и поволокъ.

Тутъ пришлось народу круто.
Ужъ татары были люты,
А цари — лютѣй разъ въ пять.
Вотъ ужъ подлинно сказать:
Отъ огня да прямо въ воду.
Завели какую моду:
Коль мужикъ не сдюжитъ въ срокъ
Уплатить царю оброкъ,
Такъ поставятъ на правежъ
(Пытка то-жъ).
Тутъ работа палачамъ:

Бьютъ сердягу по плечамъ
На базарной площади.
— «Подходи, народъ, — гляди!
Кто внесетъ за бѣдняка
Подать всю до пятака, —
Будетъ онъ тому холопъ
По самый гробъ,
По приказу по цареву».
Эхъ, и было же тамъ реву!

Но однако-жъ одному
Не подъ силу никому
Цѣлымъ царствомъ управлять
Стали тутъ цари смекать.
Домекнулись: подъ господъ
Отдавать простой народъ,
Чтобы всякій воевода
Жилъ съ мужицкаго дохода,
А что лишку соберетъ,
То опять царю идетъ.

* * *

Время шло за годомъ годъ, —
Старину забылъ народъ.
Началъ вѣрить онъ попамъ,
Что цари отъ Бога намъ.
За Иваномъ шелъ Василій,
За Василіемъ Иванъ.
У крестьянъ
Старики дѣтей учили:
Царь и плохъ,
А тотъ же Богъ.

Только Новгородъ богатый,
Городъ вольный, тароватый,
На поклонъ къ царю нейдетъ,
Дани-подати не шлетъ.
Оттого тамъ всѣ богаты,
Бѣлымъ тесомъ крыты хаты,
Новгородскія молодки
Выступаютъ, что лебедки,
А у дѣвокъ косы въ лентахъ,
Сарафаны въ позументахъ.

У царей горитъ зубокъ
На тотъ вольный городокъ.
Царь ложится въ домовину,
А наказываетъ сыну:
— «Непремѣнно, мое чадо,
Разоритъ тотъ городъ надо».

* *
*

Вы послушайте, братцы, про старое,
Про старое дѣло, бывалое.

На быстрой рѣкѣ, на Волховѣ,
На красномъ, крутомъ кряжу
Стоитъ славный, вольный Новгородъ,
Что большой бояринъ въ бобровой шапкѣ,
Распахнувши соболью шубу
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ.
На заставѣ вокругъ стараго
Лѣса темные дремучіе,
Рѣки быстрыя, болота грязкія:
Не подойти къ городу силѣ вражеской

Ни весной красной, ни осенью,
Ни въ жаркую пору лѣтнюю.

Проходило времячко осеннее,
Осеннее время непогожее,
Наставали дни студеные.
До зари было, до зорюшки,
До восхода красна солнышка,
До заката свѣтла мѣсяца,
Поднимался старый плотничекъ,
Николай святой угодничекъ.
Какъ онъ сталъ кругъ города похаживать,
Костылемъ зачалъ постукивать,
Понавелъ онъ мосты крѣпкіе
Чрезъ рѣки, рѣки быстрыя,
Безъ пилы построилъ, безъ топорика;
Нагатилъ онъ гать широкую
Чрезъ болота-грязи черныя;
Увалилъ онъ землю-матушку
Что не бѣлыми опилками —
Серебристымъ снѣгомъ-инеемъ.

А московскій царь Иванъ Васильевичъ, —
Мужикъ онъ былъ догадливый.
Собиралъ онъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Скопилъ силы сто тысячей,
Тутъ же съ ними въ походъ пошелъ.
По насту шли, словно по-суху,
Во темныхъ лѣсахъ клали просѣки.
Подступила сила къ Нову-городу,
Обложила буйный съ четырехъ сторонъ.
Хочетъ городъ царь за себя взять,

Села, слободы на дымъ пустить,
Золоту казну въ Москву выволочь.

На самаго Николу на зимняго,
На своего любимаго угодничка,
Просыпался Господь ранехонько;
Вставалъ Онъ съ мягкой постели изъ облаковъ,
Умывался чистымъ небеснымъ свѣтомъ,
Утираться сталъ широкимъ полотенцемъ.
Концы у ширинoчки вышиты
Цвѣтными шелками, жаркимъ золотомъ, —
Конецъ одинъ съ неба свѣсился.
Увидали попы, говорятъ: «Заря!» —
Зазвонили къ заутренѣ.

Высыпаетъ народъ: да не въ церковь —
На стѣну валитъ городовую.
Промежъ людей Ѳедя блаженненькій;
На морозѣ босикомъ онъ поскакиваетъ,
Желѣзы-вериги на немъ позвякиваютъ.
Голоситъ Ѳедя, самъ слезами обливается:
«Приползли муравьи московскіе!
«Они кровь изъ Нова-города высосутъ,
«Его ясные глазыньки вылижутъ»...

Со стѣны смотрятъ новгородцы во чисто поле:
Почернѣло поле отъ московскихъ ратниковъ,
Шевелится, что кочка муравьиная.
На ту пору въ Новѣ-городѣ
Не случилось удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Храброй дружины новгородской.
Новгородцы тутъ закручинились,
Закручинились, запечалились;

Говорятъ они царскимъ ратникамъ:
«А не стыдно-ли вамъ, ребятушки,
«Палить у насъ села, слободы,
«Слезить бабъ да красныхъ дѣвушекъ,
«Сиротить малыхъ ребятушекъ?
«Сами вы люди, чай, крещеные,
«Одному Спасу съ нами молитесь».
А ратники московскіе — охальники,
Головы кочанныя, бороды мочальныя;
Смѣются они, похваляются,
Съ новгородками гулять собираются.

Сходились тутъ мужики новгородскіе,
Мужики торговые, матерые;
Выбирали они поклонныхъ пословъ
Къ самому царю Ивану Васильевичу.
Пошли послы, подарки понесли;
Не сами понесли — на возахъ повезли:
Одинъ возъ чиста серебра,
Другой возъ красна золота,
Третій — скатна жемчуга.
Нашли царя во цвѣтномъ шатрѣ.
«Ты возьми-ка, батюшка, Иванъ Васильевичъ,
«Дары отъ насъ драгоцѣнные,
«Отступись отъ Нова-города».
Принялъ царь дары великіе,
Говоритъ посламъ, усмѣхается:
«Спасибо отъ насъ Нову-городу на гостинчикѣ.
«Только вы, люди старые, забывчивы.
«Есть еще про меня у васъ подарочекъ:
«Вы отдайте мнѣ волю новгородскую».

Ни съ чѣмъ послы воротилися,
Великому Новгороду поклонилися,
Повѣдали ему слово царское.
Что вода въ морѣ всколыхалася,
Зашумѣлъ, закипѣлъ славный Новгородъ,
Закричалъ народъ въ едино слово:
«Лучше смерть принять во честномъ бою!
«Вы вставайте-ка, братцы, какъ одинъ человѣкъ;
«Мы пойдемъ на валы на широкіе,
«Сложимъ свои головы за Великій Новгородъ,
«За святую волюшку — душу новгородскую».

Поднималась тутъ битва великая,
Что великая битва, послѣдняя.
На валахъ, на стѣнахъ семь дней билися,
Да еще трое сутокъ на улицахъ.
Разсытились отъ крови снѣги бѣлые,
Растопился отъ жаркой ледъ на Волховѣ;
Повалился тогда вольный Новгородъ,
Отлетѣла душа отъ Великаго.

* *
*

Дальше — больше, годъ отъ году
Сила царская растетъ.
Все тяжелѣ жить народу.
Кто-жъ на выручку придетъ?

Словно въ стадѣ звѣрь играетъ,
По Москвѣ бурлитъ пожаръ.
Всталъ народъ: въ огонь кидаетъ

Воеводъ, дьяковъ, бояръ,
Волю-долю добываетъ...
Царь Иванъ Васильичъ Грозный
Былъ хоть робокъ, но смышленъ.
Вотъ къ народу съ просьбой слезной
Онъ выходитъ на балконъ:
— «Православные міряне,
Горожане и сельчане!
Хорошо я знаю самъ,
Что живется худо вамъ.
Много плачетъ вдовъ, сиротъ
Отъ бояръ и воеводъ.
Виноватъ и я тутъ много, —
Прогнѣвили всѣ мы Бога.
Ну, да что же? Какъ же быть?
Что прошло, — не воротить.
Только знайте: напередъ
Отъ жестокихъ воеводъ
Ужъ обидъ не будетъ вамъ:
Я указъ такой издамъ.
Вѣрьте мнѣ, царю Ивану,
Что за васъ горой я стану!»

Пѣлъ Иванъ, какъ соловей;
А извѣстно, что мужикъ
Къ царской ласкѣ не привыкъ.
Отъ медовыхъ тѣхъ рѣчей
Мужики, и старъ, и младъ,
Позабывши царскій кнутъ,
Распустили нюни тутъ:
Сами плачутъ и кричатъ:

— «Ты одинъ — отецъ народу!
За тебя въ огонь и въ воду!»

* *
*

Эхъ, трахъ — тарарахъ!
На сіонскихъ горахъ
Спасался монахъ.
По ночамъ колобродитъ,
По утрамъ Бога молитъ.
Онъ поклоны выбиваетъ,
Въ мысляхъ черта поминаетъ.

* *
*

Скоро сбросилъ царь личину,
Подбирать началъ дружину
Изъ бояръ, дворянъ, дьяковъ,
Міроѣдовъ-кулаковъ.
Кто въ дружину ту вступалъ,
Клятву страшную давалъ:
Чтобъ отца и мать забыть,
Одного царя любить,
Чтобъ по царскому приказу,
Кого скажутъ, убить сразу,
А за царскую награду
Не бояться бы и аду.
Звали войско то «опричной».
Былъ у всѣхъ нарядъ отличный:
Серебромъ кафтаны шиты,
Позолотой сабли крыты,
Въ скобку стрижены волосья,
А при сѣдлахъ морды песьи.

Какъ собаки, сами люты,
У нихъ набольшій Малюта.
Въ городахъ, селеньяхъ рыщутъ,
Лиходѣевъ царскихъ ищутъ.
Кто придетъ имъ не по нраву,
Тотчасъ тащутъ на расправу.
Порютъ плетью, рѣжутъ, жгутъ,
Въ ротъ смолы горячей льютъ;
Со спины, царю въ угоду,
Рѣжутъ шкуру на полоски.
Такъ-то русскому народу
Отлились царевы слезки.

Царь на пыткахъ самъ бывалъ,
Припекалъ и свѣжевалъ.
А когда порой случится,
Что за сутки казни нѣтъ,
Такъ Ивану ночь не спится,
Немилъ кажется и свѣтъ.
Чѣмъ покончилось бы дѣло,
Намъ теперь не разрѣшить,
Да, по счастью, хворь приспѣла:
Сталъ Иванъ заживо гнить
И въ кругу придворныхъ слугъ
Отдалъ черту смрадный духъ.

* * *

Сѣлъ на царство Ѳедоръ-царь,
По прозванью «Пономарь».
Былъ ничѣмъ онъ непримѣтенъ
И во гробъ сошелъ бездѣтенъ,

А Димитрій, царскій братъ,
Былъ зарѣзанъ, говорятъ.

Перевелся царскій родъ.
Собрался бояръ тутъ сходъ.
Стали думать да гадать,
Гдѣ бы имъ царя достать.
Глядь, татаринъ Годуновъ
На престолъ ужъ сѣсть готовъ,
Только ждетъ, чтобъ попросили.
Тутъ бояре и рѣшили,
Что въ цари еще такого
Не найти, какъ Годунова.
Да за что-жъ татаринъ тотъ
У бояръ попалъ въ почетъ?
Никакого въ томъ нѣтъ чуда, —
Хоть жилось крестьянамъ худо,
Все же былъ въ году денекъ:
Въ день тотъ русскій мужичокъ,
Если станетъ не въ охоту
Править барскую работу,
Могъ отъ лютыхъ воеводъ
Подъ иныхъ итти господъ.
Для жестокихъ для дворянъ
Былъ немалый въ томъ изъянъ.
А Борисъ царю шепни:
— «Юрьевъ день ты отмѣни».
Началъ царствовать Борисъ.
Вдругъ, откуда ни возьмись,
Самозванецъ, Гришка воръ,
Шасть изъ Польши къ намъ на дворъ.

Во всѣ стороны палитъ,
— «Я Димитрій, — говоритъ, —
И престолъ выходитъ мой.
Уходи, Борисъ, долой!»
  Годуновъ со страху
Поволокъ народъ на плаху,
Все-жъ повѣрили-то вору,
И пошелъ Григорій въ гору.
Отъ обиды и отъ горя
Царь Борисъ скончался вскорѣ.

Лжедимитрій безъ препонъ
Тутъ вскарабкался на тронъ.
Годъ носили москвичи
Самозванцу калачи,
А потомъ загнали въ кутъ.
Тутъ и былъ ему капутъ.

* *
*

Тутъ пошла въ Россіи склока:
Тѣмъ хотѣлось издалека
Пригласить себѣ царька,
Изъ Варшавы королька;
Тѣмъ — казалось не рука.
Вышло такъ, что Шуйскій-князь
Сѣлъ на тронъ, не осмотрясь,
  Да и плюхнулъ въ грязь.
Года три царилъ онъ въ страхѣ,
Умирать пошелъ въ монахи.

* *
*

Безъ царя Россія снова,
Выбирать давай иного.
Тутъ въ Москву изъ разныхъ мѣстъ
Пребольшой собрался съѣздъ.
И собранье то рѣшило:
Выбрать надо Михаила.

Михаилъ Романовъ младъ
Былъ ни знатенъ, ни богатъ.
Прапрадѣдъ его, Кобыла,
Изъ-за моря къ намъ пришелъ
Да и счастье тутъ нашелъ.
Сынъ Кобылы, Ѳедоръ Кошка,
Былъ сродни царямъ немножко:
Изъ семи Ивана женъ
Былъ одной прадѣдомъ онъ.

Часть вторая.

На новую погудку
Тутъ сказку заведемъ:
Катятъ по первопутку
За новымъ за царемъ.
Бояре такъ и пляшутъ:
«Михайло глупъ и младъ;
На дуракахъ же пашутъ.
Такой-то царь намъ кладъ!»
А мужичку крупицы
Нѣтъ пользы, все равно:
Жуетъ царь рукавицы
Аль царствуетъ умно.
Въ одной бояринъ парѣ
Идетъ всегда съ царемъ.
Ой-ой, цари, бояре,
Ударитъ скоро громъ.
Ой, кабъ не догадался
Крестьянинъ про царей!..
Вотъ Михаилъ скончался,
Царемъ сталъ Алексѣй.
Ужъ въ крѣпостныя цѣпи
Закованъ весь народъ.
Кто смѣлъ, въ донскія степи
За волею идетъ.
На Волгу выплываетъ

Самъ Разинъ-атаманъ;
Онъ вольницу скликаетъ,
Зоветъ къ себѣ крестьянъ;
Бросаетъ съ колоколенъ
Царевыхъ воеводъ.
Аль скоро станетъ воленъ
По прежнему народъ?..

Нѣтъ, на волю, видно, рано.
Въ плѣнъ схватили атамана;
Царь велѣлъ ему отсѣчь
Буйну голову отъ плечъ,
Руки, ноги отрубить,
Мясомъ пушку зарядить,
Чтобъ не зналъ простой народъ,
Гдѣ Степана прахъ гніетъ.

*   *
*

Умирая, Алексѣй
Трехъ оставилъ сыновей.
Старшій, Федоръ, былъ убогъ,
Поцарилъ недолгій срокъ;
Средній сынъ совсѣмъ дуракъ.
Младшій — парень не простакъ.
Звали младшаго Петромъ,
Онъ и сталъ царемъ.
Ни дородствомъ, ни съ лица
Былъ онъ вовсе не въ отца,
И говаривали встарь,
Что отецъ Петра — не царь,
А царскій псарь.

Правда-ль это, али ложь,
Ужъ теперь не разберешь.
Только бился Петръ не мало,
Чтобъ доподлинно узнать:
Не псаря-ли надлежало
За отца ему считать?
Наклонивши прутъ желѣзный,
Сталъ онъ разъ псаря пытать:
— «А! попался, другъ любезный!
Дай-ка мнѣ теперь отвѣтъ:
Ты отецъ мой али нѣтъ?»
Старина крѣпился, было,
Словно въ ротъ воды набралъ,
Да повыбился изъ силы
И въ сердцахъ царю сказалъ:
— «Отвяжись! Чего присталъ?
Инда саднитъ въ поясницѣ.
Чортъ те знаетъ, чей ты сынъ!
Вѣдь у матушки-царицы
Былъ я не одинъ».
Сколько Петръ его не жегъ,
Ничего узнать не могъ,
А ужъ то-ли не былъ жохъ!

Проходилъ онъ огни, воды,
Видѣлъ разные народы,
Видѣлъ въ лицахъ небылицы.
Воротясь изъ-за границы,
Сталъ порядокъ наводить:
Поснималъ съ бояръ кафтаны,
А съ боярынь — сарафаны,

Въ сюртукахъ велѣлъ ходить,
Платья съ шлейфами носить.
Бриться всѣмъ велѣлъ по чину;
За бритье-жъ принялся самъ,
                    Срѣзавъ для почину
                    Головы стрѣльцамъ.

А потомъ, что силы-мочи
Приналегъ на людъ рабочій, —
Всѣхъ, кто былъ еще не рабъ,
Въ крѣпостной спихнулъ въ ухабъ.

  Царь лютѣе годъ отъ году.
Все тяжелѣ жить народу.
Услыхавъ народа стонъ,
Всколыхнулся тихій Донъ.
Оба берега рѣки
Вскрыли вольные полки —
                    Казаки:
За свободу, смѣлъ и рьянъ,
Всталъ Булавинъ атаманъ.
Покачалъ царемъ народъ
                    Въ свой чередъ,
Да измѣна подкатила.
  Тутъ царева сила
Рать казацкую сломила.

Натворилъ бы Петръ, навѣрно,
  Много больше бѣдъ,
Только слегъ въ болѣзни скверной
И скончался въ цвѣтѣ лѣтъ.

* * *

Былъ царю прямой наслѣдникъ,
Изъ Романовыхъ послѣдній,
Мальчикъ Петръ, Петровскій внукъ.
Только вдругъ
Вышелъ споръ у царскихъ слугъ —
И рѣшеніемъ двора
Тронъ пошелъ женѣ Петра.

Катеринушка въ дѣвицахъ
Быть не чаяла въ царицахъ.
Въ кабакѣ на свѣтъ родилась,
Въ зеленѣ винѣ крестилась,
Ночевала по казармамъ
И за деньги и задаромъ.
Подобралъ ее царинушка,
Самъ — кабацкая хмелинушка.
На престолъ она попала, —
Царевала мало:
Въ сорокъ двà года —
Баба-ягода,
А до водки дорвалась
Опилась.

* * *

Потомъ царилъ три года
Послѣдышъ, Петръ Второй,
Въ убытокъ для народа,
А для дѣвицъ грозой.

* * *

Не оставилъ онъ духовной,
А жениться не успѣлъ.

Тутъ вельможъ совѣтъ верховный
Думать думушку засѣлъ.
Стали голову ломать,
Гдѣ бы имъ царя достать.
А вельможи-то богаты.
Высоки у нихъ палаты,
Денегъ куры не клюютъ,
А ужъ какъ ѣдятъ и пьютъ!
Подо всѣми крѣпостные —
Работнички даровые.
На рабахъ въ имѣньяхъ пашутъ,
На рабахъ и пляшутъ.
А роптать рабы учнутъ, —
Ужъ команда тутъ, какъ тутъ.
И выходитъ, что вельможа
Безъ царя прожить не можетъ:
Царь вельможѣ — крѣпкій щитъ, —
Отъ народа защититъ.
Вотъ
Всѣ въ одно рѣшили слово:
Раздобыть, хоть съ дна морского,
Царскій корень на разводъ.
Засѣдалъ всю ночь совѣтъ, —
Толку нѣтъ.
Ужъ и солнышко всходило,
Вдругъ вельможъ и осѣнило:
Кто-то вспомнилъ: за границей,
Во курляндской во столицѣ,
Есть Романовымъ родня, —
Баба Анна,
Глупа и чванна.

Вотъ, не мѣшкая ни дня,
Полетѣлъ за ней гонецъ,
Проситъ въ Питеръ, во дворецъ,
На царскій тронъ.
Прибыла она, а съ ней —
Онъ и кучеръ и лакей —
Биронъ.
Правилъ царствомъ онъ:
Кругомъ
Хлесталъ кнутомъ,
Виноватъ, не виноватъ, —
Батъ.
И такой-то прокуратъ!
Поретъ, поретъ, а потомъ
Ставитъ на снѣгъ нагишомъ,
Обдаетъ водой студеной.
Сильно мерзъ народъ крещеный.

Миновалъ десятый годъ.
Чуетъ Анна — смерть идетъ.
Шлетъ царица за границу,
Проситъ сводную сестрицу:
Не отдастъ ли внука
Въ царскую науку.
Ясно, —
Та согласна.

* * *

Закопали въ землю Анну
Тронъ пошелъ Іоанну,
А Иванъ еще младенецъ,
А породой нѣмецъ.

Видя то, Елизавета,
Дочь побочная Петра,
Надѣваетъ эполеты
И выходитъ со двора.
По бутылочкѣ на брата
Гренадерамъ поднесла
И промолвила: «Ребята!
А вѣдь что я къ вамъ пришла?
Мнѣ отъ нѣмцевъ тѣхъ издѣвку
Ужъ терпѣть совсѣмъ не въ мочь.
Вы меня застойте, дѣвку,
Прогоните нѣмцевъ прочь.
Прижита хоть не въ законѣ,
Только все-жъ я — дочь Петра.
Императорской коронѣ
Перейти ко мнѣ пора».
— «Ура!»
Въ ту же ночь царька Ивана
Взяли съ мягкаго дивана,
Вмѣстѣ съ матерью, въ острогъ,
Подъ желѣзный подъ замокъ.

* *
*

Туру-бомъ, туру-бомъ,
Ходи печь, ходи домъ!
Лизавета на престолъ, —
Коромысломъ дымъ пошелъ.

Вѣкъ слыла она дѣвицей,
Хоть и знали всѣ въ столицѣ,
Что царица въ одиночку

Коротать не любитъ ночку.
Баба-ль, дѣвка-ль, только ей
Не послалъ Господь дѣтей.
Вотъ она въ великомъ горѣ
Шлетъ пословъ за море,
По нѣмецкимъ по дворамъ,
Распытать, развѣдать тамъ:
Можетъ, кто-нибудь пойдетъ
Изъ князей къ намъ на разводъ.

Посчастливилось царицѣ.
Прибылъ къ намъ изъ-за границы,
У народа не спросясь,
Гольштинскій князь.
Да и князь-то жалкій, —
Былъ онъ приживалкой.
Нѣмца назвали Петромъ,
Дали прозвище Романова,
Чтобъ царскій домъ
Шелъ наново.
Приплелась за нимъ невѣста
Изъ того же тѣста.
Вначалѣ
Её величали
Августой-Фредерикой,
А потомъ Екатериной Великой.

Только вотъ ужъ пятый годъ
Съ Катериной Петръ живетъ,
Богъ имъ дѣтокъ не даетъ.
Что тутъ дѣлать? Какъ тутъ быть?
Чѣмъ тутъ горю пособить?

Вѣдь того и жди, что снова
Офицера Салтыкова
На подмогу тутъ зовутъ.

Колесомъ промчался годъ.
Катерина сына ждетъ:
Къ Салтыкова именинамъ
Разродилась, да не сыномъ.

Была-бъ неразбериха,
Когда-бъ не въ ту же ночь
Рожала повариха,
Да сына, а не дочь.
Бѣжитъ посолъ къ ней скоро
Изъ Зимняго дворца:
— «Отдай-ка намъ, невпора,
Родимаго мальца!»
Согласна повариха
(Не спрошенъ былъ отецъ),
Курьеръ помчался лихо
Съ мальчонкой во дворецъ.
Нарекли ребенка Павелъ.
Хоть безъ правилъ
Записали на Петра.
А когда пришла пора,
Былъ у Павла свой приплодъ, —
Вновь повелся царскій родъ.

Той порой Елизаветѣ
Надоѣло жить на свѣтѣ.
Позвала она Петра
И промолвила: «Пора!

Наступилъ нашъ смертный часъ.
Царствуй ты ужъ послѣ насъ».

* *
*

Третій Петръ у царскихъ дѣлъ
Полгода сидѣлъ.
Тутъ любовникъ Катерины
Взялъ въ охапку двѣ перины,
На царя ихъ положилъ,
Тотъ потудова и жилъ.

* *
*

Трубы кованы трубятъ,
Пушки мѣдныя палятъ,
Звонъ идетъ по всей столицѣ:
Стала Катенька царицей.

У царицы все пиры
До полуночной поры.
Межъ гостей она гуляетъ,
На ночь друга выбираетъ.
Кто царицѣ угодитъ, —
Счастье валомъ повалитъ.
Только самъ не прозѣвай,
Шире полы подставляй:
И деньгами, и чинами,
И землей, и деревнями,
Деревнями съ мужиками
Да со всѣми животами.
А помѣщики-то круты,
А ихъ жены — змѣи люты.

А суды-то всѣ неправы, —
Не найти нигдѣ управы!
А коль стукнуться къ царицѣ,
Та лютѣе всѣхъ сторицей:
За прошенье на господъ
Ставитъ клейма, ноздри рветъ,
Руки, ноженьки куетъ.

Въ тѣ поры дешевле суки
Мужичокъ цѣниться сталъ.
Никогда подобной муки
  Крестьянинъ не видалъ.
Мужиковъ и замутило.
(Ужъ, должно быть, тошно было!)
И поднялся тутъ народъ
На мучителей-господъ.
Ихъ немало на осины
  Вздернулъ Пугачевъ;
Для самой Екатерины
  Былъ ужъ сукъ готовъ.
Да, вишь, время не приспѣло:
Послала царица въ дѣло
На возставшихъ мужиковъ
Что ни лучшихъ семь полковъ —
  Изъ мужицкихъ же сынковъ.
Самъ Суворовъ-генералъ
Впереди солдатъ скакалъ.
За царицу старый радъ
                    Въ самый адъ.
Устоять не могъ народъ,
                    Пошелъ вразбродъ.

Катерина по управкѣ
Не боялась ужъ удавки.
Подмахнула подъ дворянъ
Три мильона душъ крестьянъ,
Заодно и казаковъ,
Запорожскихъ мужиковъ.
Добралася и до Польши...
Заграбастала-бъ и больше,
Да неловко сѣла въ стуло, —
Тутъ ее и надохнуло.

* *
*

Сталъ царемъ въ Россіи Павелъ.
Онъ четыре года правилъ.
Былъ ему правиломъ шибъ, —
Многимъ головы зашибъ.
На пятый годъ
Сынокъ идетъ,
Шнурокъ несетъ.
Павлу шею затянулъ...
Караулъ!

Часть третья.

Александръ по новой модѣ
Началъ царствомъ управлять:
Всякій день сталъ о свободѣ
Послѣ чая разсуждать.
По коврамъ шелковымъ бродитъ
Бѣлой ручкою разводитъ:
— «Непремѣнно дать свободу
Надо русскому народу!»
Кто былъ парень не простакъ, —
Ухмылялся лишь въ кулакъ:
— «А вѣдь царь-то — не дуракъ».
А иной и ротъ разинулъ...

Вдругъ французъ на Русь надвинулъ, —
Царь лишь ручкой бѣлой вскинулъ.
Встрепенулся весь народъ,
Грудью претъ — впередъ,
Самъ оретъ:
— «Вотъ француза сгонимъ съ поля, —
Отъ царя намъ будетъ воля!»

Глядь, простылъ французовъ слѣдъ,
А свободы нѣтъ, какъ нѣтъ.
Царь причкнулся, ни гу-гу.

— «Я, молъ, власть вельможамъ сдалъ».
Аракчеевъ-генералъ
Весь народъ согнулъ въ дугу.

У господъ крестьянамъ горе,
У царя въ имѣньяхъ — вдвое.
Царь настроилъ новыхъ селъ,
Въ нихъ уставъ военный ввелъ:
До полденъ ружьемъ махать,
Съ полудня косить, пахать
И чтобъ въ тотъ полдневный срокъ
Успѣвать дневной урокъ.
Всѣхъ поставилъ на учетъ, —
Кто что кушаетъ и пьетъ,
И въ году всего семь денъ
Цѣловать дозволилъ женъ.
По субботамъ бани были:
Мужики лежали въ мылѣ,
Выли.

* *
*

Въ долгомъ времени аль вскорѣ
Царь отправился на море,
Да разстроился въ дорогѣ
И скончался въ Таганрогѣ.
— «Эй, наслѣдникъ Николай,
Ты команду принимай!»
А наслѣдникъ — царскій братъ,
Тому и радъ.
Анъ гвардейскіе солдаты
Говорятъ: — «А что, ребята,

Не пора-ль добыть свободу
Русскому народу?»

Вотъ на площадь выступаютъ,
Трубы звонкія играютъ,
Самъ полковникъ впереди
Со крестами на груди.
Молвитъ: — «Братцы, не плошай!
Побѣди аль умирай!»
А на нихъ, ужъ въ бой готово,
Войско движется царево.
У царя несмѣтна рать, —
Знать гвардейцамъ умирать.

Утвердился Николай,
И пошелъ по царству лай:
«Тронъ беречь —
Бунту встрѣчь —
Вѣшать, сѣчь!»

Утромъ, только зорю бьютъ,
Ужъ наказывать ведутъ.
Наготовѣ строй солдатъ,
Всякій съ палкой, радъ не радъ.
Какъ ударятъ разъ пятьсотъ,
Не опомнишься и въ годъ,
А какъ влѣпятъ тысячъ пять,
Такъ въ могилу ляжешь спать.
Хорошо солдаты бьютъ,
Царя Палкинымъ зовутъ.

Царь-то крутъ,
Да не все же кнутъ и кнутъ...

На поддержку русскихъ силъ
Онъ жандармовъ учредилъ.

* *
*

Жандармъ ходитъ по полу,
Виснетъ сабля до полу.
Голубой на немъ нарядъ,
Ясны пуговки горятъ.
На груди виситъ шнурокъ,
Въ ручкѣ бѣленькій платокъ.
На шнуркѣ отцовъ онъ душитъ,
А ихъ дѣтямъ слезы сушитъ:
Какъ утретъ платочкомъ разъ, —
Ужъ не слезы, кровь изъ глазъ.

* *
*

Эхъ, и тяпнули мы горя,
Какъ зашла война на морѣ.
На войну валитъ народъ,
Самъ гудетъ:
«Царь услуги не забудетъ, —
Вотъ сейчасъ свобода будетъ».
Анъ лишь тотъ ея дождался,
Кто со смертью побратался.
Царь войны не дотянулъ
И подъ грохотъ крымскихъ дулъ
Въ гробъ нырнулъ.

* *
*

Александръ Второй на тронѣ
Тяжко стонетъ,

Слезы ронитъ:
Принялъ царство въ безпорядкѣ,
А съ отца-то взятки гладки.
Про бунты изъ деревень
Идутъ вѣсти что ни день.
Людъ забитый крѣпостной
На дворянъ пошелъ войной.
Отъ большого въ нихъ урона
Слабнетъ трона оборона.
Александра пронялъ потъ.
Вотъ на сходъ
Онъ дворянъ къ себѣ зоветъ
И такую рѣчь ведетъ.
— «Утверждаю васъ заранѣ,
Господа дворяне:
Хоть на мнѣ и царскій чинъ, —
Я такой же дворянинъ.
Потому скажу вамъ смѣло:
Недопрѣло наше дѣло.
Коль не дать крестьянамъ воли,
Черезъ годъ аль два, не болѣ,
Намъ навѣрно будетъ матъ
Въ аккуратъ.
Мы поэтому рѣшили
Уступить крестьянской силѣ.
Но не бойтесь: я въ обиду
Ни себя, ни васъ не дамъ
И свободу лишь для виду
У меня получитъ «хамъ».
Надѣлимъ его землицей
Мы на душу въ два вершка,

А за землю ту сторицей
Мы облупимъ мужика.
Безъ земли крестьянинъ слабъ:
Будетъ намъ онъ по смерть рабъ«.
Александръ Освободитель
Тутъ дворянъ къ столу позвалъ:
— «Подкрѣпиться не хотите-ль?»
И до утра пировалъ.

Что-жъ? Вѣдь вышло, въ самомъ дѣлѣ,
Какъ по писанному такъ:
Сѣлъ крестьянинъ на надѣлѣ
Словно на мель ракъ.
Втрое больше онъ ломаетъ
На царя и на господъ,
Въ ко́зну подать выправляетъ
Льетъ съ него кровавый потъ.
Тамъ, гдѣ капля упадетъ,
Гуще хлѣбушко взойдетъ.

Чешутъ головы крестьяне:
— «Вотъ поди-жъ ты! Что за прахъ?
Распроклятые дворяне
Обошли, вѣдь, насъ въ глазахъ.
Только вотъ ужо дай сроку:
Царь про все узнаетъ самъ, —
Онъ убавитъ съ насъ оброку,
А земли прибавитъ намъ
Царь насъ пожалѣетъ,
Царь намъ порадѣетъ«.

Вотъ проходитъ двадцать лѣтъ,
Все прирѣзки нѣтъ.

А народъ твердитъ свое:
— «Скоро будетъ намъ житье.
Царь про все узнаетъ самъ
И земли прибавитъ намъ».

Только бѣлый свѣтъ, ей-ей,
Не безъ добрыхъ, вѣдь, людей.
Вотъ пришли соціалисты,
Что разумны, что рѣчисты.
По народу они ходятъ,
Съ мужиками рѣчь заводятъ,
Разъясняютъ, что и какъ...
Да и царь-то не дуракъ.
Эй, держись, народъ ученый!
Государевы шпіоны
Въ городахъ, селеньяхъ рыщутъ,
«Сицилистовъ» ищутъ,
Крутятъ за спину имъ руки,
Волокутъ на муки.
Да они не оробѣли,
Царю въ очи правду пѣли.
Вотъ, чтобъ душеньку потѣшить,
Царь велѣлъ ихъ вѣшать.
Тѣ и видятъ, что съ царемъ
Не столкуешься добромъ.
Тутъ «Народной Воли» громъ
Грянулъ надъ царемъ:
Марта перваго числа
Александра смерть снесла.

* * *

Новый царь на царство сѣлъ,
Міръ крещеный загудѣлъ:
«Вотъ пройдетъ недѣлька, —
Будетъ намъ земелька».

Вотъ выходитъ манифестъ,
Чтобъ старшины съ разныхъ мѣстъ
Собрались на сходъ въ Москву, —
Будетъ сонъ на-яву.
Взгомозился тутъ народъ,
Въ Бѣлокаменную претъ
Хлѣбъ да соль царю поднесть,
Объ нуждѣ ему довесть.

Подношенье царь беретъ,
И къ старшинамъ рѣчь ведетъ,
Словно сабелькой сѣчетъ.
Бьетъ ихъ словомъ по кудрямъ,
По ихъ сивымъ головамъ.
— «Ой, вы гой-еси старшины,
Стоеросовы осины.
Полно вѣрить въ небылицы,
Не дождетесь вы землицы.
Передайте мужикамъ, —
Ничего я имъ не дамъ.
И скажу вамъ на прощанье,
Чтобъ вы были въ послушаньи
У моихъ у воеводъ,
У чиновниковъ, господъ.
А въ невзгодѣ деревенской
Васъ утѣшитъ земскій.

Вотъ мой сказъ.
На первый разъ
Будетъ съ васъ».

Тутъ старшины поклонились,
Повздыхали, покрестились
И пошли обратно въ путь,
Свѣсивъ головы на грудь.

Попереди мчится вѣтеръ,
Милость царскую несетъ,
Гнетъ верхушки старыхъ ветелъ,
Надъ избой въ трубу поетъ:
— «Нѣтъ земли, коль воли нѣтъ».
Слышитъ пѣсню старый дѣдъ,
Съ печи голову спустилъ,
Проговорилъ:
— «Вишь, надѣялись-то зря,
Надо ждать еще царя».

Александръ сидитъ на тронѣ
Въ златокованной коронѣ,
Хлещетъ пиво, да вино,
Самъ же думаетъ одно:
Какъ бы снова подъ господъ
Воротить простой народъ.
А по царству съ давнихъ поръ
Ходитъ голодъ, ходитъ моръ.
Александру нѣтъ бѣды:
Онъ не вѣдаетъ нужды.
Подъ царемъ кряхтитъ народъ,
Да въ народѣ слухъ идетъ:
У царя сынокъ растетъ;

Хоть умомъ и не силенъ,
Да къ народу ласковъ онъ.
— «Погоди, помретъ старикъ,
Повольнѣй вздохнетъ мужикъ».

* *
*

Подъ святыми царь лежитъ,
На смотрины сынъ катитъ.
А народъ и не пойметъ,
Что такое онъ деретъ:
«Со святыми-ль упокой»,
«По улицѣ-ль мостовой».
На погостъ отца стащили,
За столъ свадьбу посадили.
Гости пили на здоровье,
За Николино здоровье,
За жену его царицу,
За заморскую синицу.

Только свадебку сыграли,
По гостей опять послали.
Вышло снова столованье,
На Москвѣ коронованье.
Царь дворянъ къ себѣ повелъ,
Посадилъ съ собой за столъ,
А народъ
Въ свой чередъ
Пировать послалъ на волѣ.
На Ходынскомъ славномъ полѣ,
На широкомъ на помостѣ
Собрались царевы гости.

Только сѣли за столы,
Подломилися полы.
А помосты-то высоки,
А подъ ними ровъ глубокій...
Трое сутокъ онъ
Былъ тѣлами загруженъ.
Такъ-то царь короновался,
На Москвѣ въ крови купался.

Праздно, весело въ столицѣ
Николай живетъ съ царицей.
А при нихъ большой приплодъ —
Дочекъ цѣлый хороводъ.
Богъ подалъ имъ и сынка,
. . . .
А дворецъ-то — заглядѣнье.
Есть еще у нихъ имѣнья, —
Сто мильоновъ десятинъ.
Царь владѣетъ всѣмъ одинъ.
Тѣ имѣнья не простыя,
Въ нихъ все руды золотыя.
Сверхъ того еще доходъ
Изъ казны царю идетъ.
Получаетъ въ мѣсяцъ онъ
Чистоганомъ милліонъ.
За царемъ стоитъ родня,
Все люднѣе день отъ дня:
Сватья, братья, тетки, дяди.
Тожъ и эти не въ накладѣ.
Тянетъ съ русскаго народа
Лже-Романовыхъ порода

Пятьдесятъ мильоновъ въ годъ.
И безропотно народъ
Подать тяжкую несетъ,
За цари молитвы шлетъ,
Землю — волю ждетъ.

Чтобъ морочить мужиковъ,
Царь настроилъ кабаковъ.
Безъ просыпу пьетъ народъ,
А царю и безъ заботъ:
Царствуй, сидя подъ оконцемъ.
Глядь, поссорился съ японцемъ.
А народъ японскій малъ,
Да удалъ, —
Царь того не разсчиталъ.

* *
*

Топоры кузнецъ куетъ,
А самъ пѣсенки поетъ:
Въ день девятый января
Шли провѣдать мы царя.
Не гулять къ нему, не пить,
Шли мы милости просить.
А ужъ онъ насъ угостилъ,
Да покатомъ положилъ,
Бѣлымъ снѣгомъ накормилъ,
Нашей кровью напоилъ.
Съ того пира тысячъ пять
На погостъ стащили спать.
Ой ты, батюшка нашъ царь,
Православный государь,

Не забудемъ мы вовѣкъ,
Сколь ты добрый человѣкъ!
Больше полгода уплыло,
Муравой могилы вскрыло
И на дно японскихъ водъ
Опустился русскій флотъ.
Толкъ опять пошелъ въ народѣ
О землѣ и о свободѣ.
Говорили такъ и эдакъ
И рѣшили напослѣдокъ:
Не по щучьему велѣнью,
По народному хотѣнью,
Стали фабрики, заводы,
Поѣзда и пароходы;
Жернова не стронешь съ мѣста,
Пекаря не мѣсятъ тѣста,
И поутру Николаю
Не подали булокъ къ чаю.

Царь опѣшилъ. — «Какъ же такъ?
Не привыкъ я натощакъ
Заниматься царскимъ дѣломъ.
Бунтъ выходитъ въ царствѣ цѣломъ».
А царица
Кипятится:
— «Говорила я намедни:
Напиши царямъ сосѣднимъ,
Напиши своей роднѣ,
Чтобъ прислали намъ подмоги
Въ случаѣ тревоги.
Вотъ сидимъ теперь въ мотнѣ.

Чуть жива я съ перепугу».
Утѣшаетъ царь супругу:
— «Безъ тебя я знаю самъ,
Написалъ по всѣмъ мѣстамъ.
Нѣмцы, турки, англичане —
Радъ я всякому заранѣ,
Кто на помощь къ намъ придетъ.
Да идти-то имъ далече.
Инъ морозъ деретъ мнѣ плечи:
Вдругъ про все про то впередъ
Нашъ дознается народъ.
Лучше справиться уловкой
Намъ съ проклятой забастовкой.
Что-то скажутъ мнѣ вельможи».
А вельможи — въ голосъ то же.

Въ тотъ же часъ
Былъ готовъ царевъ указъ:
«Божьей милостію, мы
Объявляемъ всей Россіи:
Миновало царство тьмы,
Времена прошли лихія.
Десять лѣтъ изъ года въ годъ
Притѣсняли мы народъ,
А теперь всему народу
Пожелали дать свободу.
А указу въ подкрѣпленье
Наше повелѣнье:
Чтобъ въ такую-то седьмицу
Нарядили къ намъ въ столицу
Лучшихъ выборныхъ людей

От губерній, областей.
Эту выборную рать
Надо Думой величать.
Чтобы намъ зимой и лѣтомъ
Бѣгать въ Думу за совѣтомъ,
И, безъ Думы той согласья,
Чтобъ не править одночасья.
Наша воля непреклонна —
Царствовать законно.
Данъ въ такое-то число.
Мѣсто: Царское Село».

И едва простой народъ
Про указъ прослышалъ тотъ, —
Какъ по щучьему велѣнью,
Все пришло опять въ движенье.
Въ ходъ опять пошли заводы,
Поѣзда и пароходы;
Въ бѣлокаменной печи
Румянѣютъ калачи.
А по улицамъ народъ
Въ пляску съ присвистомъ идетъ.
Ужъ и праздникъ въ тотъ день былъ!
Кое-кто говорилъ:
— «Эй, плясать-то больно рано:
Кабъ не вышло тутъ обмана?!!»
Да на радостяхъ народъ
Не услышалъ голосъ тотъ.

Царь хоть Думу обѣщалъ,
А въ умѣ не то держалъ.
Да какъ съ мѣсяцъ пролетѣло,

Ждать народу надоѣло;
А въ Москвѣ первопрестольный,
Звонъ пошелъ не колокольный,
И принялся людъ рабочій
Такъ кричать, что было мочи:
— «Эй, народъ-то вѣдь надули»!!!
Засвистали ядра, пули.
Много сгибло тутъ народу
За свободу.

Вотъ собрались депутаты
Въ государевы палаты,
Стали думать да рядить,
Чѣмъ народу пособить.
Только видятъ — дѣло ясно,
Спорить нечего напрасно:
Ничего не надо болѣ, —
Только дать земли и воли.
У царя занялся духъ.
Кликнулъ онъ ретивыхъ слугъ, —
Дума — бухъ.
Депутатовъ похватали,
По острогамъ разсовали,
И на страхъ Россіи всей
Судъ открыли полевой.

Царь казнитъ безъ сожалѣнья.
А все нѣту усмиренья.
Вотъ полгода уплываетъ,
Думу снова онъ сзываетъ.
Глядь, и новая про то-жъ,
Про земельный про дѣлежъ.

Только зубы чешутъ зря:
Власть-то вся въ рукахъ царя,
А ему дѣлежъ —
Острый ножъ.

Снова Дума подъ горой,
А за Думою второй
Вылѣзаетъ Дума — гуня,
Дума третьяго іюня:
Толстосумы-мужики,
Октябристы-хомяки, Черняки,
Ласковы къ правительству,
Къ его величеству.

* *
*

Въ полѣ новыя качели
Съ перекладиной изъ ели.
Никто на нихъ не садится,
Ни царь, ни царица,
Ни красная дѣвица.
Человѣкъ отъ нихъ бѣжитъ,
Воронье на нихъ летитъ.
Вотъ качели заскрипѣли,
Съ крикомъ вороны взлетѣли.
На качеляхъ мужичокъ,
Подъ качелями волчокъ.

* *
*

День за днемъ, за годомъ годъ —
Словно рѣченька плыветъ.
Царь съ царицею въ ладу,

Вразъ дудятъ въ одну дуду,
Держатъ думушку одну, —
Какъ затѣять съ кѣмъ войну.
Коль счастливо воевать,
Такъ спокойнѣй царевать:
Въ битвахъ некогда народу,
Думать про свободу.

Вотъ лежитъ на печкѣ дѣдъ,
Девяноста почти лѣтъ.
На утѣху старыхъ дней
Трехъ имѣлъ онъ сыновей.
Трое всѣ въ могилѣ спятъ.
Ужъ какъ самый старшій братъ
Въ день девятый января
На пиру былъ у царя.
Въ чужедальной сторонѣ
Палъ середній на войнѣ.
Младшій, вѣрно, былъ бы живъ,
Да среди родимыхъ нивъ
Судъ военно-полевой
Удушилъ его петлей.

Долбитъ дѣдка на печи
Мосляками кирпичи.
Вотъ ужъ онъ который годъ
Царской милости не ждетъ.
Внука съ бѣлой головой
Гладитъ дряхлою рукой,
Тихо шепчетъ: «Вырастай,
Самъ свободу добывай.

Милость царская велика,
А не стоитъ она лыка!»

* *
*

Ходитъ староста Федотъ,
Мужиковъ на сходъ зоветъ:
— «Выходи, Егоръ, Тарасъ!
Отъ начальства есть указъ:
Увязался царь въ войну,
Нужны денежки въ казну,
А для царскихъ для полковъ
Надо много мужиковъ».

Съ печи дѣдъ кряхтя спустился
И на сходку потащился.
Обступили дѣда вкругъ:
— «Присовѣтуй, милый другъ!»
А старинушка въ отвѣтъ:
— «Ужъ не знаю что, мой свѣтъ.
То ли рать царю сбирать,
То ли брагу затирать?
Эхъ, заваримъ бражку нову
На погибель на цареву!
Отъ царей не жди добра.
Взяться намъ за умъ пора,
Гнать ихъ съ нашего двора».

Только староста Федотъ
Тутъ выходитъ напередъ.
А Федотъ живетъ богато, —
Былъ въ кабатчикахъ когда-то.
Онъ записанъ въ сотнѣ черной

И слуга царю покорный:
— «Да за этакую рѣчь
Мало голову отсѣчь!
Вишь онъ что: «царя не надо!»
Тутъ, къ примѣру, даже стадо
Не живетъ безъ пастуха».
Дѣдъ на это: «Ха-ха-ха!
Эхъ ты, староста Федотъ!
Да вѣдь въ стадѣ ходитъ скотъ,
А мужикъ-то нешто быкъ?
Прикусилъ бы ты языкъ:
Борода-то, что лопата,
А разсудкомъ не богата.
Вотъ попомни ты, Федотъ:
Скоро времячко придетъ, —
Продеретъ глаза народъ.
Онъ зажметъ, зажметъ въ комокъ
Весь Романовскій домокъ
Да и — кокъ!
А Россіей напередъ
Будетъ править самъ народъ».
Тутъ Федотъ и ротъ разинулъ.
А старикъ картузъ надвинулъ
И пошелъ изъ круга вонъ.

* * *

Я про это слышалъ звонъ.
Самъ на сходкѣ не бывалъ,
А что слышалъ, разсказалъ.

Знать, старикъ-то былъ пророкъ:
Что сказалъ, сбылося въ срокъ.

м.пф.

В. Короленко. Домъ № 13. Эпизодъ изъ Кишиневскаго погрома . . . . 1 —

Вл. Короленко. Паденіе царской власти. Рѣчь простымъ людямъ о событіяхъ въ Россіи . . . 1 —

В. Короленко. Чудная. Лѣсъ шумитъ. Огоньки. 1 —

Кровавое воскресенье въ С.-Петербургѣ 9-го января 1905 г. . . . . 1 —

А. Л. Смертники. Изъ жизни русской каторги . . 2 —

Матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ.

Томъ	II	Анна Іоанновна	2 —
„	III	Елизавета Петровна	2 —
„	IV	Петръ III	2 —
„	VII	Екатерина II	2 —
„	VIII	Павелъ I	2 —
„	IX	Александръ I	2 —
„	X	Николай I	2 —
„	XI	Александръ II	2 —
„	XII	Александръ III	2 —
„	XIII	Николай II	2 —

Л. Мехелинъ. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ . . . . 4 —

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи — 80

Н. Новиковъ. Армія и политика . . . . 1 —

Е. И. Поповъ. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого . . . . . . 3 —

В. Райнеръ. „Дарованная" конституція и контръ-революція . . . . 1 —

Реусъ. Дни великаго суда германской соціальдемокр. 1 80

Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта . . . 1 25

М. Е. Салтыковъ [Н. Щедринъ]. Медвѣдь на воеводствѣ и др. сказки . . . . 1 —

М. Е. Салтыковъ [Н. Щедринъ]. Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ и др. сказки 1 —

	м. пф.
Современникъ. Николай II. Разоблаченія . .	6 —
В. Д. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей по уголовнымъ и политическимъ дѣламъ (1877—1887)	5 —
Сущность и значеніе конституціи графа Лорисъ-Меликова	1 —
Л. Н. Толстой. Великій грѣхъ. О земельной собственности. Съ письмами къ Николаю II, вел. князю Николаю Михайловичу и П. А. Столыпину	1 —
Л. Н. Толстой. Возстановленіе ада. Обращеніе къ духовенству	1 —
Л. Н. Толстой. Война и разумъ	— 60
Л. Н. Толстой. Гдѣ выходъ? Единственное средство	1 —
Л. Н. Толстой. „Единое на потребу.“ О государственной власти	1 —
Л. Н. Толстой. Законъ насилія и законъ любви	3 —
Л. Н. Толстой. Исповѣдь	2 —
Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. Полное изданіе съ послѣсловіемъ	2 —
Л. Н. Толстой. Николай Палкинъ. Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ .	1 —
Л. Н. Толстой. „Одумайтесь!“ По поводу русско-японской войны	1 50
Л. Н. Толстой. Офицерская памятка. Солдатская памятка. Письмо къ фельдфебелю	1 —
Л. Н. Толстой. Патріотизмъ и правительство. Противъ войны	1 —
Л. Н. Толстой. Рабство нашего времени	1 50
Л. Н. Толстой. Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Бесѣды язычника и христіанина	1 50
Л. Н. Толстой. Христіанское ученіе	2 —
Л. Н. Толстой. Христіанство и патріотизмъ . .	1 50
Л. Н. Толстой. Что такое религія и въ чемъ сущность ея?	1 —
Л. Н. Толстой. Царю и его помощникамъ. Отвѣтъ Синоду	— 80
Л. Н. Толстой. Церковь и государство и др. статьи	1 —

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig